

ция которого все больше ограничивалась судебными и имущественными делами, актами отпуска рабов на волю (Ro, § 167, 172, 224, 375 и др.). Компетенция народного собрания племенного союза лангобардов сокращалась, участие в нем рядовых свободных лангобардов становилось все более нерегулярным, а подчас сопровождалось открытым неповиновением королевским должностным лицам (Ro, § 8), что в немалой степени было обусловлено снижением имущественного и социального статуса массы рядовых свободных лангобардов. Не случайно уже во Вступлении к эдикту Ротари идет речь о насилиях над бедными со стороны имущественно состоятельных лиц (*propter adsiduas fatigationes pauperum, quam etiam superfluas exactiones ab his maiore virtute habentur*).

Основные политико-административные и судебные функции власти переходили к феодализирующейся знати — как лангобардской, из верхушки королевских служилых людей, так и представителям прежней римской знати, из сенаторского сословия и богатых поссессоров, сохранивших свое богатство и влияние (ср. Ro, § 14, 48, 74, 75, 251, 263; Li, § 62, 63, 118, 83, 133; Ra, § 1/2; Aist., § 3 и др.).

Поддерживать и укреплять авторитет королевской власти был призван целый ряд законодательных распоряжений: более высокий вергельд и особый статус людей из служилой знати (Ro, § 17; Ra, § 14); авторитет церкви: «*Ego in dei omnipotentis nomine Liutprand, excellentissimus rex gentis felicissimae ac catholicae deoque dilectae langobardorum*».

Виновный в преступлении, совершенном с ведома короля (вплоть до убийства), освобождался от наказания (Ro, § 2, 3, 41). Отпуск серва на волю по приказанию короля означал приобретение отпущенником максимума полноправия свободного человека, что приравнивалось к отпуску на свободу «на перекрестке четырех дорог»: *Similiter et qui in pans (id est: in votum regis) demittitur, ipsa lege vivat, sicut et qui amund factus est* (Ro, § 224).

В то же время о падении королевского авторитета и, более того, о растущем сопротивлении королю и распоряжениям королевских должностных лиц свидетельствуют многочисленные проступки и преступления, которые наказываются в двойном размере по сравнению с аналогичными преступлениями, направленными против других граждан государства. Это — нежелание выполнять распоряжения королевских служащих и даже их убийство (Ro, § 374), подстрекательство к покушению на короля или заговор против короля, каравшиеся смертной казнью (Ro, § 1), мятеж в войске против назначенного королем командующего (Ro, § 6), мятеж в городе во время нахождения в нем короля (Ro, § 37). Естественным следствием имущественных и социальных процессов в лангобардском обществе было отстранение основной массы свободных лангобардов от обсуждения и утверждения законов — эдиктов. Если эдикт Ротари был составлен в 643 г. «с согласия судей и всего войска» (*pari consilio parique consensu cum primatos iudices cunctosque felicissimum exercitum nostrum augentes constituimus*), присутствовавших на народном собрании (Ro, § 386), то в Прологе эдикта Гримоальда (668 г.) уже говорится о провозглашении эдикта «по предложению судей и с общего согласия всех присутствовавших». В Прологе же законов Лиутпранда (713 г.) сказано, что они составлены «с участием всех судей Австрии, Нейстрии и Тусции и остальных верных лангобардов» и лишь «в присутствии и с общего согласия всего народа» (*una cum omnibus iudicibus tam de austriacae et neustriacae partibus necnon et de tusciae finibus, vel cum reliquis fidelibus meis langobardis et cuncto populo adsistente, hac nobis commune consilio*). В Прологе к законам того же Лиутпранда от 720 г. говорится еще более ясно, что эти законы составлены и одобрены богатыми и влиятельными приближенными короля, и только в конце упоминается «присутствие всего народа» (*una cum illustribus veris obtimatibus meis neustriacae austriacae et tusciae partibus, langobardis... asistente omni populo*).

Своеобразное соотношение между властью и авторитетом епископа складывалось в находившихся под его властью в IX—XI вв. городах